

Братъа Швальнеры

Рю

Квайдан

Братья Швальнеры

Рю. Квайдан

«Издательские решения»

Швальнеры Б.

Рю. Квайдан / Б. Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835584-4

Япония, конец XIX века. Разделенные стеной общественного неравенства, влюбленные, Ромео и Джульетта эпохи Мэйдзи тяжело страдают. Не выдержав разрыва с любимой, главный герой — рикша по имени Рю — трагически погибает, во многом по вине своей родовой избранницы, Йоко. Спустя пять лет она встречается его на улицах Киото, и эта встреча знаменует череду ужасных и мистических событий, начавшихся в ее жизни. Призраки, смерть и огромная, всепоглощающая любовь — в центре квайдана братьев Швальнеров.

ISBN 978-5-44-835584-4

© Швальнеры Б.
© Издательские решения

Рю Квайдан

Братья Швальнеры

*Любимой дочке и племяннице – Ариночке-
с пожеланиями долгой и счастливой жизни
посвящаем.*

Авторы

*«Тигр оставляет после смерти шкуру, человек – имя»
Японская пословица*

© Братья Швальнеры, 2017

ISBN 978-5-4483-5584-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я услышал эту историю во время одной из игр «Хяку моногатари кайданкай», когда мы с друзьями собрались в здании заброшенного кафе в старом Токио. Мы обыкновенно занимались этим на протяжении всего лета. Каждый из славных самураев, одетых в лучших традициях сёгуната Токугава, приносил с собой свечу; каждый занимал строго определенное место на стульях, расставленных вокруг андона; и приступал к рассказу... По мере того, как рассказчик заканчивал свое изложение, свеча его гасилась – так помещение постепенно погружалось в полную тьму, и только тусклый андон едва освещал интерьеры – лиц было не видно. В тот вечер все мы рассказали свои истории и тут настала очередь Такеши-сана. Он был последним и, по традиции, его история должна была быть самой страшной. Передаю ее в первозданном виде, как услышал... Слово Такеши.

«...Давным-давно, на заре эпохи Сэнгоку, на месте нынешней Эдогавы стояла крепость Ишида, принадлежавшая богатому и знатному роду самурая Миёси Нагаёси. Крепость эта была получена Миёси Нагаёси в знак благодарности от Хосокавы Такакуни за участие на стороне Оути Ёсиоки в знаменитом противостоянии 1509 года, в ходе которого на троне был восстановлен Акуми Ёситана, свергнутый двадцатью годами ранее канрэем Масамото. Бои велись в Киото не один день. Много претерпели в тех боях сам Нагаёси и его воины, но предательства не poznали их тесные ряды, сражение было выиграно, как и вся война. Милость Такакуни, ставшего фактическим главой государства при регентстве робкого и нерешительного Ёситана, не знала границ – Ишида была лишь одним из многочисленных подарков канрэя своему сюзеру.

Прошло двадцать лет – и новое испытание выпало на долю Нагаёси. Началась новая междоусобица – брат канрэя Хосокава Харумото, его давний противник, решил восстановить свою власть. В 1527 г. всемогущий Такакуни, атакованный войсками Миёси Мотонага и Хосокава Харумото, вынужден был бежать из Киото. В 1531 г. в Сэццу Хосокава Такакуни вынужден был покончить с собой. Фактическим главой военного правительства стал Хосокава Харумото. Но в 1543 г. в борьбу с ним вступил Хосокава Удзицуна, объявивший себя преемником

Такакуни. Он призвал Миёси на свою сторону. Тот, недолго думая, направил свою армию на Киото...

Много недель продолжались кровопролитные бои, много потерь понесла армия, которой командовал Миёси-сан. Во время одного из боев несколько человек из его передовой сотни, которая несколько лет назад принесла ему победу в составе войск Ёсиоки, попали в окружение сил противника. После нескольких дней и ночей нечеловеческих пыток воины были казнены. Осада Киото продолжалась, а бои велись с переменным успехом.

Мудрый Нагаёси принял тогда решение полностью изменить сложившуюся тактику, сосредоточить силы в лесах в окрестностях столицы, дать противнику потерять себя и, заманив провокацией в чащу леса, перебить основную массу за пределами Киото. В войсках меж тем начался ропот – все только и говорили, что о жестокости противника, который так беспощадно расправился с храбрыми сотниками Миёси. Ослабленные длительным противостоянием и сомнительными успехами в боевых действиях, воины устали, дух их находился на грани упадка.

Чего нельзя было сказать о Нагаёси – даже измотанный и уставший, воевал и сражался он храбро и отчаянно, придумывая то и дело все новые и новые хитрые маневры, дабы обескуражить противника, заманить его в ловушку. И вот наконец настал долгожданный день. Отойдя на расстояние двадцати миль от стен Киото, солдаты Мотонага и Харумото не увидели ни единого солдата армии Удзицуна. Конечно, поначалу это насторожило их – озираясь и осматриваясь по сторонам, осторожно шли они к лесу. Прошло полчаса – солдаты дайме так и не появились на горизонте. Подумал тогда Харумото, что его маневр удался – солдаты бывшего канрэя испугались своей незавидной участи, и покинули поле боя. Стоило же ему подвести своих людей к Гранатовому холму, как силы армии Удзицуна начали теснить их в кольцо, словно стискивая голову испытуемого при допросе тяжелой железной проволокой. Бой велся свыше трех дней – Харумото некуда была отступить, негде было восстановить силы и взять передышку. Сейчас отступ был закрыт солдатами Удзицуна. Спустя два с половиной дня почти все силы Харумото были на исходе. А на третий последняя сотня сдалась под натиском Нагаёси.

Вновь праздновал победу храбрый Нагаёси-сан. Но возвратившись в Ишиду, он впал в размышления. Как получилось так, что Харумото, давно пребывавший в опале, вдруг снова оказался в Киото и захватил власть могущественного и сильного канрэя? Ведь преданная ему армия и в столице охраняла его как зеницу ока. Там стояли солдаты самого Нагаёси, а также сильного и мудрого военачальника Оути Ёсиоки, также убитого в результате переворота Харумото. Кто из них трусил и допустил врагов канрэя в столицу, кто дал им бразды правления? В ряды армии закралась измена – эта мысль плотно засела в голове Миёси и не давала ему покоя.

Он не знал ни сна, ни отдыха две недели. Если предательство в возглавляемом им войске осталось без наказания – значит, грош ему цена и как военачальнику, и как вассалу сегуна. Если же ему даже не удалось обнаружить этой щели в обороне мертвого канрэя – значит и вовсе жить незачем. Но перед уходом он обязательно должен найти изменника!

Началось все с сотни. Оставшихся в живых своих солдат Миёси вызвал в Ишиду в один из летних дней 1532 года под предлогом дружеской беседы. За чаем он стал спрашивать солдат:

– Как вам кажется, могла ли измена закрасться в наши ряды, когда вы и ваши товарищи охраняли канрэя в Киото в год Земляного Дракона?

– Никогда, Миёси-сан. С кем угодно такое могло произойти, только не с воинами сегуна! Достойно ли кому-то жить с печатью позора?

– Помните ли вы, какой страх овладел всеми вами после расправы над моей первой сотней? – спрашивал Миёси.

– Помним, но страх этот только двигал нашими крепкими руками и храбрыми сердцами в деле борьбы за жизнь государя! – отвечали воины.

– Как же тогда объяснить, что изменники Харумото оказались в Киото и свергли сегуна и канрэя?

– Силы брата канрэя были очень велики, а наши – очень малы. Мы лишь защищали канрэя, а они пришли, чтобы захватить целый город. Противостоять им сразу было невозможно, нужны были дополнительные силы, в том числе Ваши, о Миёси-доно. Однако же, и это не помешало нам одержать верх и восстановить власть канрэя даже после его смерти!

«Как же непреклонны эти воины! – думал Нагаёси. Последний проблеск надежды еще теплился в его душе. – И впрямь обвинять их во лжи – недостойный поступок!» И с миром отпустил их.

Но в ту же ночь он увидел сон. Ему снилось, как держит он оборону Киото в одиночку, храбро разрубая одного за другим солдат Харумото, а их в свою очередь все прибывает и прибывает. Они убивают его в страшных, нечеловеческих муках, и он... в таких же муках возрождается и продолжает сражаться. Вражеский натиск меж тем все сильнее, солдат все больше. Они снова убивают Миёси, но он опять воскресает, и снова бросается в самое пекло сражения.

В холодном поту проснулся Миёси. Сейчас он был твердо уверен – измена была тогда, во время переворота в Киото. Потому и мучают его призраки прошлого, потому и не оставят они его, пока он не восстановит справедливость и не покарает виновных.

Он снова пригласил своих солдат и снова задал им те же вопросы. Они повторили свои ответы. Тогда он приказал своим вассалам схватить их и запереть в подвале Ишиды. Три дня продержал он их без пищи и без воды – ни единого звука, ни единой тени смущения не выказали храбрые воины. После чего он повторил вопрос – и снова глухое отрицание стало ему ответом. Сны меж тем все продолжали мучить его. По-прежнему ему казалось, что измена словно гадюка прокралась к его солдатам и ужалила их в самый ответственный момент, и если бы не его талант полководца, крепость была бы сдана, а сегун казнен. И когда он представлял себе эти картины, отчаяние и ужас охватывали его. Подозрительность, мнительность, уверенность в измене тогда становились просто запредельными. Они словно бы душили его, не давая ему ни спать, ни есть.

В такие минуты он спускался в подвал и жестоко пытал своих пленников. Он жег их каленым железом, отрезал им члены, выкалывал глаза, загонял под ногти иглы. Все было без толку – никто не сознавался в измене. Будучи вне себя от ярости в один из дней Миёси выхватил из-за пояса вакидзаси и одним ударом перерезал горло одному из солдат. В страшных муках он умер на его глазах и глазах своих товарищей. Эта смерть, думал Нагаёси, должна заставить предателей сознаться – ведь напугала же их смерть товарищей тогда, под стенами Киото. Однако, ожидаемых признаний не последовало.

День за днем самурай убивал одного за другим – разложив на куче песка, словно испытываемого крестьянина, на котором проверяется острота клинков, жестоко разрубал он тех, кто еще вчера служил ему верой и правдой. К концу недели все было кончено – не получив признания, он отправил на тот свет всех своих воинов. На этом кошмары его должны были закончиться, но... они не заканчивались! Один и тот же сон снился ему все это время, его убивали и воскрешали, а он истово кричал и просыпался в холодном поту.

Однажды утром, принявшись пить чай, он обнаружил, что чай остыл.

– Почему так произошло? – спросил он своего слугу.

– Ваше омовение заняло около часа сегодня, хозяин. Обычно Вы заканчиваете раньше, и чай не успевает остыть. А сегодня что-то задержало Вас...

Накануне Миёси скверно спал. Весь день он был рассеян и медлителен. Под вечер усталость буквально валила его с ног. Но раньше за ним такого не замечалось... Однако, раньше он не пил холодного чая по утрам. Он вдруг воспрял! Слуга хочет отравить его! Потому он так слаб после этого странного чая...

Вне себя от ярости, Миёси ворвался в комнату слуг и перебил всю семью несчастного... Только в ту ночь он не видел вечного своего кошмара, только в ту ночь демон оставил его – то ли оттого, что Миёси слишком устал за весь день, то ли оттого, что готовил ему новый сюрприз.

Утром на Миёси снизошло, как ему казалось, озарение – не все его солдаты остались у него на службе после боя у стен Киото, многие вернулись к мирной жизни и занимались хозяйством в соседних с Ишидой селах и городах. Нагаёси собрал своих вассалов и велел им отправляться на поиски бывших своих сюзеренов. Сложно было вассалам отыскать в многоликой толпе тех, кто несколько лет назад сражался за сегуна – кого-то они не упомянули, кого-то Нагаёси не смог толком описать, а кто-то и вовсе отказывался сознаваться в том, что воевал. Меж тем, через пару дней еще сорок человек крестьян было доставлено в Ишиду.

– Сражались ли вы в Киото за жизнь сегуна и канрэя в шестую луну Земляного Дракона? – спросил сюзерен. Мало кто утвердительно ответил на его вопрос. Однако, изможденный кошмарами и усталостью самурай уже не воспринимал ответов. Всех пойманных он приказал запереть в подвал Ишиды...

После двух дней пыток один из них сознался в измене и был казнен!

Миёси казалось, будто тяжелый груз свалился с его плеч и больше его не будут мучить эти ужасные видения. Но в ту же ночь они повторились! Разгневанный Миёси велел догнать отпущенных им ранее крестьян и добить всех в пути. Все они были убиты в ту же самую ночь!

С тех пор вся жизнь Нагаёси превратилась в кошмар – мания измены и предательства, ночные кошмары не выходили из нее, мучили его и высасывали из него все соки как яд фугу. Все новых и новых крестьян он велел привозить из окрестных сел, пытал их, и, ничего не добившись, убивал.

Но в одну из ночей в Ишиде начали твориться странные вещи. Несколько убитых им крестьян, которых должны были закопать, вдруг встали и ушли восвояси. На другую ночь еще несколько трупов поднялись, а когда их попытались снова убить, оказали сопротивление вассалам Нагаёси – из десяти человек трое было убито.

На следующей неделе пропала дочь самурая, через месяц – младший сын. А спустя еще месяц тела обоих были найдены под стенами Ишиды. Ослабленный ужасами прошедших месяцев, а теперь еще и отцовским горем, Миёси обратился к шаману.

– Среди тех, кого ты убил в эти дни, был колдун. Он не успел наложить на тебя проклятье – твои вассалы настигли его уже в пути, но именно он должен теперь тебе отомстить, – говорил колдун. – Тебе и твоей семье.

– Как такое возможно? – в отчаянии спрашивал самурай.

– Этот колдун проживает свою последнюю земную жизнь. Если он не смог принять смерть как подобает, не очистился должным образом, а настигла его кончина в пути или в бою, то дается ему еще несколько дней после смерти, чтобы довести ритуал до завершения. Ты убил его без вины – и завершением его кончины будет смерть твоя и твоей семьи.

Сказанное поразило Миёси в самое сердце. Он выхватил катану и хотел было убить шамана, но остановился – слова уже были произнесены, и вырвать их из памяти и души было куда сложнее, чем отсечь голову оракулу.

С того дня Миёси прекратил казни. Прекратились и кошмары. Вернее, они сменились кошмаром наяву – каждую ночь неистовые вопли слышались у стен Ишиды – и снаружи и изнутри. Никто из обитателей крепости не мог спокойно спать – так громки и ужасающи они были. Труп колдуна, верхом на коне, стоял у ворот крепости, собирая все новых и новых солдат, чтобы наведаться к Миёси. Он видел это мертвое воинство у стен замка, оно наводило на него и его семью животный ужас, но дальше ворот двинуться пока не могло – слишком слабы они были против крепких стен и вооруженных вассалов. Хотя и последние внутри уже трепетали от страха.

Утром во все это было сложно поверить – и сам Миёси запретил говорить на эту тему, чтобы не пробуждать лишний раз к жизни то, что казалось мертвым и мертвым на самом деле и являлось. Могилы были нетронуты, тела в них тлели и гнили, пока Солнце озаряло подножия Фудзи. Стоило же ему смениться ночным светилом, как жуткие вопли вновь сотрясали Ишиду и лишали ее спокойного сна.

В одну из ночей Нагаёси спал на удивление спокойно – ни вопли, ни кошмары, вопреки ожиданиям, не омрачили его отдыха. Проснувшись же, он отправился по комнатам замка – и нигде не было ни души. В ужасе бросился самурай к воротам – они были отперты настежь, а вдали слышался топот коня, на котором колдун покидал стены крепости. Свершилось – он собрал-таки свое мертвое войско, чтобы взять крепость штурмом – так же, как когда-то сам Миёси штурмовал вражеские бастионы.

Дикий крик вновь озарил окрестности – Миёси пришел в ужас не оттого, что кто-то убил его семью и лишил его самого души, а от того, что этим кем-то был он сам. Он пробудил к жизни неведомое зло, обуздать которое не смог. Причем сделал это по своей прихоти, из-за никчемного сна. Этот день был последним в жизни безумного самурая – храбрости его сегодня хватило на то, чтобы достойно уйти в последний путь, совершив сеппуку. После его смерти в крепости поселился его брат, и семья Миёси продолжила владеть крепостью, а мужчины ее – защищать жизнь сегуна Асикага Ёситэру.

Прошло больше трехсот лет, жизнь изменилась. На смену сегунам пришла новая жизнь – жизнь в сердце Европы, с трамваями, школами, электричеством и библиотеками. Но не всем такая жизнь пришлось по нраву – новой волной смывало историческую пену, уходили в прошлое самураи, забывались воинские традиции, долг и честь.

Поскольку солдаты стали больше не нужны, мужчины семьи Миёси вскоре остались без средств к существованию – они умели только воевать, и всякое иное занятие считали для себя постыдным и унижительным. Меж тем жизнь продолжалась – замок пришлось продать, а на месте крепости вырос город. Несколько поколений Миёси перебивались случайными заработками – и тем вскоре довели род до черты бедности. И только последний из их рода – Миёси Эйдзи – получил образование и, в отличие от своих воинственных предков, старался отыскать себя в этой жизни, хоть и был на самой ее обочине.

В тот день, в шестую луну второго года Мэйдзи, в июле 1869 года, его жена Йоши сидела в их маленьком доме на окраине Синдзюку и занималась привычным делом.

Свет струился по тонким ровным прядям шелковой ткани, растянувшимся на ее коленях. Йоши проводила рукой по аккуратным линиям будущего кимоно и не могла отвести глаз – так хорошо было то, что она делала; так особенно складно у нее все сегодня получалось; так правильно и ровно маленькие тонкие линии укладывались одна за другой в молочно-белое полотно. Оторвавшись на минуту, вслушалась Йоши в звуки, что доносились с улицы – несмотря на жару, в воздухе слышалось птичье пение. Но в это время года и в это время дня – нет, невозможно... Значит, пело что-то внутри нее. Улыбнувшись и взглянув на большую коллекцию бабочек на стене, что осталась после старого Такаюки-доно – отца ее мужа – («Как же все-таки красива она... Как аккуратны и в то же время волнисты узоры на крыльях маленьких вестниц весны»), Йоши вновь возвратилась к ткани.

Вернулся Эйдзи. Супруги в дверях улыбнулись друг другу – хоть вместе уже пятый год, а радость встречи не ослабевает. Не омрачает ее ни жаркая непогода, ни то, что пришел он почему-то раньше обычного.

Пройдя в свою комнату, он закурил трубку – он не делал этого достаточно давно. Знакомый запах заставил Йоши оторваться от своего занятия, чтобы взглянуть в глаза мужа и самой рассказать ему о том, какая удивительная ткань из тончайшего шелка сегодня ей удастся. Как красива она и как красиво будет кимоно, что она задумала сшить для него. Мягко ступая кон-

чиками пальцев по устланному циновками полу, Йоши показалась минуту спустя на пороге мужниного кабинета. В руках она сжимала фрагмент полотна.

Заглянула за ширму – Эйджи не было здесь. Она дошла до спальни – и здесь мужа не было тоже, и лишь тонкий флер табачного дымка, едва касавшийся ноздрей женщины, напомнил о нем. Йоши вышла на задний двор и увидела, что дверь в домик старого Такаюки открыта. Отец мужа много лет назад построил эту маленькую хижину, чтобы хранить там древние реликвии своей семьи, курить опиум и вообще быть подальше от молодоженов, зараженных идеей Реставрации. «Если старую сосну пересадить к молодой сакуре, она не приживется. И не потому, что одно дерево лучше, а другое хуже. Потому лишь, что они слишком разные». Ах, как далек был Такаюки от тех перемен, что окутали своим ветром берега Хонсю – настолько, что спустя несколько лет он вовсе удалился в маленький домик, словно бы перестав быть частью жизни Эйджи и Йоши. Там он и умер два года назад – и с тех пор нога обитателей дома не перешагивала порога хижины. Крутой нрав Такаюки, присущие ему особые черты, ореол воинственности и тайны, издревле окружавший родовитую семью мужа – все это не прибавляло старику общества. Да он, кажется, и не страдал. Что до Йоши, то она и вовсе последний год жизни самурая не отваживалась навеститься в его отшельнический мирок, ограниченный четырьмя стенами. Она и сейчас не отважилась сделать этого, несмотря на смерть старика. Ее хватило только на то, чтобы на цыпочках подбежать к маленькой хижине и стать у порога. Она стояла там, глядя в темноту, и слушала, и ждала чего-то. Стояла словно вкопанная, словно ее что-то держало там, у этой мрачной черной избенки.

Эйджи зашел в дом старика, не зажигая свечей. Здесь было всего три комнаты – прихожая; кабинет Такаюки, уставленный никому не нужным старым скарбом, каждая деталь которого – верил Эйджи – имеет какое-то значение для памяти отца, и потому ее следует хранить вечно; и маленькая кладовка. Он прошел сразу в третью. В полной темноте вытянул руки вперед. На высокой подставке лежало пять или десять идеально заточенных самурайских мечей и клинков. Такаюки любовно следил за ними, ухаживал, раскладывал в ему одному ведомом порядке, и незадолго до ухода в славный светлый мир оставил их в идеальном порядке лежать здесь. Время от времени Эйджи приходил сюда и прикасался к ним руками – в такие минуты ему казалось, будто пролежавшие здесь нетронутыми со времен смерти старика мечи, оживают сейчас под руками Эйджи. Они словно отвечали ему аккуратным еле слышным звоном заточенных краев, когда капиллярный узор пальца касался самого острия. В звуке этом – который Эйджи слышал, приходя сюда, и который сейчас наполнил его до основания – был звук старой Японии. Звук воина. Звук, который слышали самураи перед битвами и накануне самой последней битвы в жизни – битвы с самим собой. Наконец он опустил к ним лицом и вдохнул их запах, чего раньше никогда не делал. Они не источали никакого духа, но Эйджи показалось, что это не так, что от них веет воздухом, исполненным могущества и силы...

Когда час спустя их с женой вечерняя трапеза была окончена, Эйджи мог вволю налюбоваться шелком, сделанным руками жены, а чашки с чаем заняли свое место на аккуратно сложенных у их ног полотенцах, Эйджи взял жену за руку и произнес, глядя ей в глаза:

– Я должен сказать тебе важную вещь. Мы супруги, а это значит должны быть откровенны друг с другом. Кайко Синдзэн проиграл деньги, которые я выдал ему из кассы, а сегодня их пропажу обнаружили.

– Но ведь он сказал, что вернет их!

– Я говорил с ним – ему нужно еще десять дней, а у меня нет времени. Инспектор сказал, что передаст дело в суд уже завтра, если денег не будет на месте. А это слишком большая сумма, чтобы я мог разом вернуть ее.

– Но с инспектором можно поговорить, все объяснить!

Эйдзи изменился в лице, заслышав это. Иоши взглянула на него и вздрогнула – глаза его сверкнули с ожесточением и плохо скрываемой злобой, губы сжались, из них полились жесткие слова, не допускающие нареканий:

– Унижаться? Перед этим прохвостом? Ну уж нет! Такая участь подойдет кому угодно, кроме сына семьи Миёси! Это не для тебя и не для меня! Мы рождены для другого...

– Но суда допустить нельзя! Тогда тебя уволят, и мы останемся без средств к существованию...

– Суда и не будет.

– Что ты намерен делать?

Ни один мускул не дрогнул на лице Эйдзи. Но и ответить ему, как видно, было нечего.

– Что ты намерен делать? – во второй раз спросила она.

После обеда он велел ей приготовить ванну. Около часа он просидел в горячей воде, обдумывая случившееся и размышляя о будущем. Иоши уложила сына и подошла к коллекции бабочек на стене. Она любила рассматривать ее – созерцание маленьких существ, хоть и прекрасных, но навсегда лишенных сталью иглы способности нести свою красоту в мир – умиротворяло женщину, успокаивало ее, наводило на добрые и светлые мысли.

Эйдзи появился на пороге комнаты за полночь. На нем было надето все новое, свежее и белое – таким красивым он не был со дня их свадьбы. Поцеловав жену, он велел ей отправляться спать.

В ту ночь Иоши долго ворочалась и не могла уснуть – трудно сказать, что именно ей мешало, но даже созерцание бабочек перед сном не помогло. Она прислушивалась к каждому шуму, к каждому постороннему шороху – но их было так мало, кругом стояла такая тишина... И только когда первые лучи солнца начали пробиваться в окно, утомленная бессонницей женщина наконец сомкнула веки.

Она проспала долго и болезненно – так обычно спят чахоточные больные, компенсируя тяжкие часы на ногах сутками сна. Когда она пробудилась, был уже вечер. Стоило ей открыть глаза, как она увидела стоящего в колыбельке маленького сына, молча и упорно смотрящего на нее. В его взгляде она узнала взгляд Эйдзи и Такаюки, взгляд самураев – жесткий, прямой, но не пугающий, а скорее какой-то родной, свой, надежный. Поцеловав сына в лоб, отправилась она в комнату мужа.

Шума не было – Эйдзи ушел бесшумно. Только так истинный самурай мог достойно завершить свой путь. На полу возле него она нашла предсмертное хокку:

Жизнь коротка.

А зима будет долгой.

Буси не спешит...

На следующий день, когда Эйдзи хоронили, стояла страшная жара. Эту жару Орихара Сёку, приехавший из провинциальной тогда Йокогамы, запомнил надолго. Вместе с женой и совсем крохотной дочерью на руках шли они от токийского вокзала в сторону Синдзюку, где должны были разместиться в доходном доме для бедных. Ступая на усыпанные трущобами и грязью улицы этого бедного района, встретила семья похоронную процессию – при всей мрачности этого церемониала примета оказалась доброй, семья Орихара приживется здесь и пустит корни. Но если где-то прибыло, значит где-то убыло – семье Миёси судьба уготовила куда более мрачную участь.

Сам же Орихара Сёку тоже хлебнул немало горя. С женой и дочерью, практически без средств к существованию, он начал работать грузчиком в порту. Через полгода усердного

и тяжелого труда скопленных от работы в кои-то веки денег наконец хватило, чтобы поступить в университет. Вот тут-то и началось самое тяжелое – днем ему приходилось учиться, а ночью работать, потому что жена его Сора вновь забеременела и не могла помогать ему. Он прожил пять лет в жутком напряжении, работая буквально на износ. Но всему приходит конец. Закончив университет, Сёку смог устроиться на практику к адвокату Мияки в квартале Эдо.

Каждый день картины сытой, обеспеченной жизни богатого токийского квартала представлялись перед его глазами. Десятки состоятельных клиентов посещали адвоката, блеск их украшений и лоск, излучаемый ими, завораживали молодого юриста. Однако, у медали была и оборотная сторона – он понимал, что ему самому очень далеко до его наставника и практически никогда не достичь таких вершин. Мияки поручал ему несложные дела и несостоятельных клиентов – и неудивительно, потому что в состоятельных нуждался он сам. С течением времени Сёку не рос по служебной лестнице и пять лет только и делал, что обивал пороги мировых судей и лицезрел человеческие нечистоты, которых ему хватало и в Синдзюку, чтобы видеть их еще и здесь. Он начал понимать, что чтобы изменить свою жизнь, ему предстоит открыть собственную практику.

Стажа для этого у него хватало – пяти лет, проведенных за конторкой у Мияки было вполне достаточно. Но вот денег, скопленных за эти годы и годы тяжелого труда в порту хватило только на то, чтобы открыть дешевый офис в Синдзюку. Понятное дело, что на резкий прирост доходов с таким положением вещей рассчитывать не приходилось. Его клиентами в первый год работы становились карманные воришки, хулиганы и бездомные, которым адвокат зачастую назначался за государственный счет. Однако, после одного из процессов карманник, которого он защищал, подвел к нему какого-то пожилого человека, с виду казавшегося состоятельным.

– Кинго рассказывал мне о Вас, – сказал этот человек, – и отметил Ваши удивительные качества на процессе по его делу. Благодаря Вам, ему удалось получить два года условно вместо пяти, которые предназначались ему за содеянное по закону.

– Благодарю Вас, – отвечал Сёку, – но не только от моего мастерства зависит исход дела. И личность судьи, и стечение обстоятельств – все здесь учитывается.

– И все же... Скажите, Вы не были вассалом в эпоху Эдо?

– Сожалею, но в эпоху Эдо я был слишком юн...

– А Ваш отец?

– Нет, он был бедным крестьянином из Йокогамы.

– Что ж, а Вы производите достаточно хорошее впечатление. Я сам был вассалом клана Хиконе, мое имя Хашимото Ниокичи. – Они поклонились друг другу, и новый знакомый продолжил. – Вы должно быть понимаете, почему Кинго уже несколько раз подряд является Вашим клиентом?

– Разумеется, я понимаю, что он член клана якудза.

– Верно. А я – отец этого клана. И мне на постоянной основе нужен адвокат. Я готов нанять Вас и платить за это предусмотренную договором плату.

Такое предложение не могло не порадовать Сёку. Это означало не только стабильный высокий доход на протяжении следующих нескольких лет, но и возможность наконец вырваться из проклятого Синдзюку. Однако, для этого придется много трудиться – Сёку понимал это и был готов к работе.

На протяжении следующих нескольких лет он вел дела клана Хашимото в судах и делал это весьма успешно. Он выигрывал дела воров и убийц и прослыл в этом деле порядочным специалистом. Якудза щедро платила своему поверенному, что позволяло ему поправить свои финансовые дела. Немного хуже обстояло дело с репутацией – чопорные его коллеги, навроде старшего товарища Мияки, не одобряли таких дел Орихары. Защищать мафию, которая только и делает, что обирает простых людей и не доплачивает в казну, они считали ниже своего достоинства и не могли понять мотивов поведения образованного и начитанного товарища своего.

Наверное оттого это происходило, что сытый голодного не разумеет. Сам же Орихара так отвечал на их выпады:

– Пока правительство не принимает решительных мер для борьбы с бедностью и устранения мафиозного влияния, пока оно само получает от них взятки и кормится за их счет, я не считаю, что совершаю предосудительные поступки!

Да, думал он, произнося такие слова, если бы они только знали, какой ценой доставался хлеб ему и его семье, пока якудза не вошла в его жизнь, пока она не стала его главным финансистом. Подработка грузчиком, бессонные ночи, страдания жены, в нищете вырастившей и воспитавшей двух детей – разве все это можно было описать в нескольких словах, служивших ответом на их странную и высокомерную претензию?! Нет, конечно они не понимают всего, что произошло в его жизни, и это значит, что не следует им все объяснять – желающий поймет без лишних слов, почему у процветающего адвоката офис в Синдзюку, а нежелающему и говорить нет смысла.

После одной из таких бесед и подумал Орихара-сан, что пора бы ему перебраться в Эдо, где можно купить и дом, и офис для клиентов – благо, заработанные деньги ему это уже позволяли.

Спустя полгода он почти совсем закрыл офис в Синдзюку, готовясь к переезду, когда вдруг на пороге его оказалась пожилая бедная женщина.

– Здравствуйте, Орихара-сан, – низко поклонившись, сказала она. – Меня зовут Нагаёси Иоши, я вдова потомка семьи Нагаёси... Если, впрочем, Вам это о чем-то говорит.

Окончивший на «отлично» университет адвокат Орихара хорошо знал историю своей страны, и такая фамилия не могла проскользнуть мимо его ушей, оставшись незамеченной.

– Конечно, подвиг клана Нагаёси по защите сегуната в середине 16 века – это наша история, – Орихара ответил посетительнице поклоном с большим уважением. – Но что привело Вас ко мне? Чем я могу помочь представительнице столь знатного рода?

– Хоть род и знатный, – отвечала она, – но мы давно обеднели. Реставрация принесла нам одни печали. Много поколений до моего мужа просто не находили себе места в жизни, да и муж не стал исключением. Он совершил сеппуку 15 лет назад, и с тех пор мы с сыном живем практически на грани. Я ткала холсты и тем жила, а он учился в школе... Учился хорошо, как и все его предки. А сегодня я узнала, что он совершил кражу на рынке и теперь его хотят судить. Я пришла просить Вас о помощи, чтобы Вы приняли на себя его защиту.

– Я готов помочь знатному роду, так много сделавшему для моей родной Японии.

– Вы не должны давать обещаний раньше времени. Я была у многих адвокатов, и все они отказывались помочь, узнав, что у нас мало денег, и я не смогу заплатить столько, сколько платят другие клиенты при обычных схожих обстоятельствах!

– Иоши-доно, меня не интересует в данном случае вознаграждение. Я готов бесплатно помочь тем, чей предок не дал нашей стране погибнуть в лапах кровожадного безумца Харумото!

Ах, как жаль, что не слышали его сейчас его коллеги, обвинявшие его в нечистоплотности при работе на якудза! Как горько бы сейчас они пожалели о своих беспочвенных обвинениях. Ведь можно защитить тысячи даже виноватых людей, но оставаться в душе порядочным и чистым человеком, каким и был Орихара.

Суд был тяжелым. Доказательств вины юноши собрано было предостаточно, да он и сам не отрицал своей причастности. Когда Орихара в разговоре с ним убеждал его солгать, чтобы избежать тяжелой ответственности, он горделиво отпирался – все-таки, потомок самурайского рода! Суд назначил ему два года тюрьмы.

Орихара извинился перед клиенткой, но она, как и ее сын, была очень спокойна и сдержанна в эмоциях. Однако, чувство тяжести от того, что не смог помочь ее сыну, не давало покоя Сёку. Он решил как можно скорее покинуть Синдзюку – с глаз долой, из сердца вон.

Синдзюку, проклятый грязный Синдзюку, который принес столько горя и его семье, и другим, кто на обочине жизни оказался здесь после Реставрации Мэйдзи. Новое место будет знаменовать собой новую жизнь и новые радости, не без оснований думал Орихара, покидая старый Токио.

Во многом он оказался прав – продолжая по-прежнему работать на якудзу и с ней, Сёку стал безбедно жить и мог не только обеспечить свою семью, но и задуматься о будущем. Дочери росли, а он менял один дом за другим, пока в один из дней их с Сорой выбор не пал на огромный шикарный особняк в стиле сегуната Токугава в одном из престижнейших районов Эдо. Денег ему хватало чтобы купить такой дом, и за решением дело не стало.

Меж тем росли дочери. Старшая из них, Йоко, по красоте напоминала юную камелию – такая же ровная стать, как у прекрасного цветка, такая же бархатная кожа, как у его лепестков, такая же кротость во взгляде и тот же в нем огонь, что теплится внутри его чудного бутона. Аккуратность и соразмерность каждой черты лица и тела – все выдавало совершенство руки Создателя, трудившегося над ее образом еще там, в Йокогаме, где она появилась на свет. Во многом Орихара ставил себе в заслуги красоту дочери – нищенка из знатного рода на окраине Синдзюку не выходила из его памяти. Он думал, что, будь она женой славного и почетного самурая и живи в богатстве и достатке, то уж наверняка не выглядела бы так ужасно, как предстала ему в день знакомства. Женская красота, думал Орихара, подобна этой самой камелии, что цветет в его саду рядом с его новым домом – она зависит от того, как садовник возделывает ее, какой теплотой он ее окружает и насколько благостные создает условия для ее произрастания. Камелия не растет в грязи или в болоте, ей нужно много света. Он давал свет своим дочерям – столько, сколько мог, видя в них свое будущее и чувствуя тепло, что женщины его дома дарили ему взамен, и потому такими красивыми были его дети.

Йоко закончила среднюю школу с отличными отметками и, благодаря отцовскому влиянию и собственным познаниям, успешно поступила на юридический факультет Токийского университета. По утрам, когда вся семья собиралась за чаем, Сора по старинке восклицала:

– Не могу поверить, что в университетах появились женские группы!

– Чему ты удивляешься? – улыбался Сёку. – Реставрация внесла в нашу жизнь многое из Европы, а там женское образование давно перестало быть чем-то экстраординарным.

– Я удивляюсь лишь скорости смены времен. Они, кажется, меняются быстрее, чем меняются день и ночь. Кажется, еще вчера я была дочерью простого рыбака из Йокогамы, а ты... ты и был рыбаком, – она рассмеялась. – А уже сегодня наша дочь учится в университете! Ах, если бы в наше время существовало образование для женщин...

– Знаешь, мама, – говорила в такие минуты, улыбаясь, Йоко, – наша котогакко-доно тоже говорит, что хотела бы, чтобы в ее юности можно было ходить в университет... даже мечтала об этом...

Слушающий женские мечтанья Сёку-сан скоро устает и громко, но без злости, говорит:

– Ох уж эти женщины! Все-то вам не слава Богу! Можно подумать, что будь что-то иначе двадцать или тридцать лет назад, внутри вас самих или в вашей жизни что-то изменилось бы!

– Конечно изменилось бы, Сёку, что ты! – удивляется недалёковидности мужа Сора, но он не хочет вступать в дискуссию – уходит по своим делам.

Младшая дочь не то, что Йоко. Юми больше похожа на отца. Она еще учится в школе, и успеваемость ее не так хороша, как у Йоко. Она импульсивна и даже задириста, а среди ее друзей больше мальчиков, чем это позволительно юной девушке. Это не очень нравится ее матери, но не вызывает беспокойства у отца. Красоты ей тоже не занимать, но во всем ее облике, в каждой ее черте читается след отца. Она не стремится к высшему образованию, в ней

почти нет честолюбия Йоко, и конечно это не может радовать родителей, но пока они успокаиваются тем, что всему свое время. Настанет день, думает Сёку-сан, и она возьмется за ум, а пока пусть предается развлечениям и радостям, свойственным ее возрасту. В конце концов, каждый возраст именно тем и прекрасен, что не похож на все остальные...

Тот самый день, когда все началось, был вполне себе обычным. С утра семья Орихары собралась в тасицу за чаем, а после каждый стал заниматься своим делом – глава семьи ушел на работу, старшая дочь отправилась в университет, а Сора и Юми стали заниматься тканями – иногда супруга адвоката возвращалась к тому занятию, которое когда-то освоила в Йокогаме, но уже не для зарабатывания денег, а, скорее, для удовольствия. Юми же находилась рядом с матерью, пользуясь тем, что в школе были каникулы, и она изнывала бы от безделья, если бы не навыки труда, что прививала ей Сора. На улице стояла невыносимая жара – почти такая же, какая стояла тогда, в день приезда семьи Орихары в Токио и в тот самый злополучный день, когда жена и близкие Нагаёси Эйджи провожали его в последний путь. Знать бы тогда Орихаре-сан, что судьба еще сведет его с той знатной семьей да при каких обстоятельствах...

...Заседание суда было в разгаре. В зале кипели страсти. Свидетели, присутствующие в зале, перебивали друг друга, обвинитель держался за голову, адвокаты сидели у настезь раскрытого окна – сегодня и эти толстые и прохладные стены не спасали от жары, ведь внутри было не холоднее, чем снаружи.

Председательствующий судья Сэтору-сан утирал со лба огромные капли пота, стучал молотком по столу и пытался усмирить слушателей. Несколько раз в ходе сегодняшнего процесса он порывался вовсе очистить зал от присутствующих, но это случалось с миролюбивым, в общем-то, человеком лишь тогда, когда капли пота, упорно струившиеся по лицу, попадали ему в глаза и щипали их.

Орихара Сёку смотрел в окно. Если так дальше пойдет, сегодня процесс закончится для него успехом – все уже очень утомлены, раздражены, свидетели один за другим говорят неправду, это очевидно судье, а откладывать слушания дальше нет никакой возможности. «И все-таки, – подумал он, – погода играет нам на руку... Да, не было такой жары со времен начала Реставрации, с далекого 1869 года...»

Он недаром вспомнил тот день – день, когда плелся с женой и дочерью по грязным улицам Синдзюку и натолкнулся на похоронную процессию несчастного Нагаёси Эйджи. Как и в тот день, сегодня солнце палило так, что, казалось, растапливает своими беспощадными лучами все вокруг – начиная от брусчатки на улицах и заканчивая пальмовыми листьями, по которым текли какие-то капли. То ли пот, то ли слезы текли по мужественным деревьям, изнемогавшим от зноя.

– На этом судебное следствие окончено! – вскричал судья, отвлекая его от размышлений. – Присяжным предстоит вынести свой вердикт в отношении обвиняемого.

Грузный лысый старшина присяжных, утирая пот со лба, тяжело поднялся со своего места.

- Для этого нам нужно время.
- Сколько времени вам потребуется?
- Вердикт будет оглашен завтра утром...

Присутствующие выдохнули – решение старшины стало спасением для всех. Вердикт предпрещен, Сёку это понимал.

Люди хлынули на улицу, в толпе были Орихара и его подзащитный. Самура Кобаяси был очень состоятельным и уважаемым человеком. Если бы не этот процесс, на котором его обвиняли в присвоении средств банка, который он возглавлял многие годы, сам Орихара-сан, достаточно хорошо знавший подводные течения столицы, не мог бы сказать, что он состоит в числе членов якудза. Он был еще не стар, но обеспечен и пользовался уважением в обществе. Про-

шлое его не было известно Орихаре, но по манерам было заметно, что оно столь же уважаемо, как и сам этот человек. Орихара в глубине души подумывал – пусть не сейчас, позже, – выдать за него свою старшую дочь. Ему как человеку не знатного происхождения казалось, что только родства с потомственными самураями ему и не хватает для счастья. Потому он заинтересовался предками Самуры. Но не было повода расспросить об этом в ежедневной суете, подобный разговор требует хотя бы минимальной приватности. И Сёку решил сократить барьер между ними, хотя раньше в отношениях с подзащитными ничего подобного не допускал.

– Каковы же Ваши прогнозы, Орихара-сан? – спрашивал Самура.

– По-моему, они очевидны. Вердикт будет оправдательным. Трое свидетелей вдали, и для нас очень хорошо, что их допрашивали первыми – на тот момент у присяжных уже сформировалось мнение относительно доказательств обвинения. Показания последующих двоих уже не имели никакого значения – их никто не слушал, а вопросы, которые они могли бы осветить, остались фактически нераскрытыми...

– Заранее благодарю Вас за все, господин адвокат.

– Не стоит. Однако, Самура-сан... Я хотел бы сегодня пригласить Вас к себе на риндзитаню. Если Вы, конечно, не заняты...

– О, это будет большая честь для меня! Чайная церемония в Вашем обществе – это достойный подарок. Я с радостью приму его.

Вскоре они приехали домой к Орихаре. Самура долго бродил по комнатам и восхищался как внутренним убранством помещения, так и выбором Орихары – дом действительно был прекрасен. Он стоял на месте старой крепости, в саду цвели липы и камелии, маленький пруд был украшением владений адвоката, а камышовка пела здесь даже в самые холодные весенние дни – казалось, сама природа радовалась жителям этого красивого и уютного дома. Не мог не отметить его красоты и гость Орихары.

Родзи пролежала вдоль всего сада, и всякий гость, посещавший чайную церемонию, мог вполне насладиться созерцанием здешних красот. Пока шли вдоль тянивы, Орихара расспросил своего гостя о его происхождении и с сожалением для себя отметил, что Самура вовсе не из знати, а так же, как и он сам приехал из провинции и в самые благодатные дни Реставрации сумел сколотить себе состояние. Что, однако ж, не лишало его воспитанности и ума. «В конце концов, – думал Орихара, – я и сам всю жизнь прожил без имени. В наше время оно не так уж и важно, главное все же – деньги. Взять ту нищенку из Синдзюку. Она знатна, и что с того? А моя дочь пусть и не отличается фамилией, зато происходит из семьи богатого человека, и оттого куда счастливее той, первой. Что до Самуры... Он богат, воспитан, вежлив, недурен собой, и отказываться от его партии для Йоко только потому, что он, как и мы сами, из простой семьи, было бы верхом безрассудства».

Самой же Йоко на сегодняшних смотринах не было – она все еще была на учебе. Но ее присутствие Орихары обязательным и не считал. Он по старинке полагал, что жених должен в первую очередь понравиться родителям невесты, а уж после – ей самой. И это главное правило сегодня, казалось, будет соблюдено!

А Йоко тем временем, закончив занятия, отправилась с подругой в маленькую сирокую-я в Нихонбаси, неподалеку от места учебы. Они обычно проводили там вдвоем некоторое время после занятий, отдыхая за чашкой чая и обсуждая волновавшие их девичьи проблемы.

– ...Так значит, ты считаешь, что совместное образование невозможно?

– Нежелательно. Юноши и девушки будут смущать друг друга своим присутствием.

– Но ведь это же глупость! Разве нельзя им будет отставить мысль о том, что, помимо плотских потребностей, все они – и юноши, и девушки, – служат нашей великой стране, в том числе, получая образование, сидя на университетской скамье?

– Можно конечно, но это будет трудно, сама же знаешь, как все это бывает...

– Глупости, – надменно опустила глаза Йоко. – Ничего я не знаю, и со мной такого никогда не случится!

– Тот, кто говорит больше всего, чаще всего поступает в противовес своим словам.

– А вот ты точно подвержена всяким подобным мерзостям... Расскажи лучше, как у тебя дела с Шуичи?

– Ты же считаешь это мерзостью, – улыбнулась Сёцу.

– Расскажи, – в Йоко сейчас говорила простая юная девчонка, которой, конечно, сколько бы ни клялась она в обратном, не было чуждо ничто человеческое.

– Вчера мы виделись с ним, – покраснев и потупив взор, скромно отвечала Сёцу. При всей сдержанности ее высказываний то, что она говорила, могло показаться – да и казалось – верхом безрассудства и вседозволенности.

– И что же? Что было дальше?

– Ничего. Он сказал, что через год посватается ко мне.

– Через год? Ты только представь, сколько всего может произойти за год! Он может и разлюбить тебя! Почему же не сейчас?

– Что за вздор? Конечно, он меня не разлюбит, если я не дам к тому повода... во всяком случае, так говорит моя матушка. А повода я давать не собираюсь... Почему не сейчас, ты спрашиваешь? Потому что мне нет еще восемнадцати, да и ему придется пока устроиться на работу – ведь надо же на что-то жить, а его родители не так состоятельны, чтобы обеспечивать нас обоих.

– Что за прок выходить за бедного?

– Эй, – подруга с осуждением взглянула на Йоко. Та поймала ее взгляд и растаяла.

– Ладно, я пошутила. Извини меня, – Йоко чуть заметно склонила голову над столом.

После чаепития девушки направились к стоянке рикшей, чтобы разъехаться по домам. Обычно они пользовались для этого трамваями, но сегодня почему-то решили изменить привычке. Девушек, в силу молодости и любознательности, влекло все новое – а рикши появились в Токио сравнительно недавно, и подруги еще не успели по достоинству оценить этот новый вид транспорта.

Рикши сидели на корточках возле своих повозок. Внимание Йоко привлек высокий и статный юноша, загорелый, с роскошной черной шевелюрой, спадающей на плечи и глазами огненного дракона, чей блеск случайно задел ее лучом из-под широкополой шляпы – наподобие таких, в которых раньше ходили самураи.

– Куда хотите, госпожа? – скромно спросил юноша, стараясь не поднимать глаз.

– В Эдогаву, пожалуйста.

Йоко взгромоздилась в неудобную повозку, на которых прежде никогда не ездила, и парень, держа поводья тележки сильными руками на уровне своих бедер, бросился бежать по вымощенной камнем дороге что было сил.

Они ехали так минут пять – сил у юноши все не убавлялось, хотя путь предстоял еще приличный и ему следовало бы отдохнуть. Йоко смотрела на него с удивлением – эта ее поездка на рикше была первой, и потому все для нее было в диковинку. Она хотела было сказать ему, чтобы он отдохнул – человек не может так долго бежать, не сбавляя темпа, да и пожалеть себя надо, думала она, но грохот несущихся мимо конок и трамваев заглушал ее негромкий голос. Юноша ничего не слышал.

Солнце заходило. Йоко смотрела на своего возницу. Сейчас только она разглядела его стать, рост, сильные плечи и руки, изрытые вздутыми от перенапряжения венами. Кожа его была бронзового цвета – от постоянной работы под открытым небом ее коснулся суровый загар. Гладкие, шелковистые черные волосы лишь краешком виднелись из-под шляпы, укрывавшей его голову от палящего солнца.

Йоко тронула его плечо.

- Не беги так, мне страшно!
- Не стоит бояться, я хорошо знаю свое дело!
- И все же, прошу, перейди на шаг. Мне жаль тебя.
- Гордый юноша покраснел и опустил глаза.
- Прошу, не унижайте меня. Я всего лишь рикша, но у меня есть свое достоинство.
- О, – Йоко скромно поднесла ладонь ко рту, – я вовсе не хотела тебя обидеть, я лишь сказала, что хочу, чтобы ты передохнул немного. Ты же не лошадь!
- Он улыбнулся ее шутке.
- Отдыхать я не стану, а вот уменьшить шаг могу.
- Хорошо и это.
- Дальше они ехали медленнее.
- Как тебя зовут? – чтобы убить время, спросила Йоко.
- Рю, – ответил парень.
- Рю... – процедила она. – Это означает... дракон? Почему? Почему родители дали тебе такое имя?
- Я родился девятнадцать лет назад – в год земляного дракона!
- Надо же, – всплеснула руками Йоко. – Я тоже родилась в тот год, первый год Мэйдзи.
- А Вас как зовут?
- Меня зовут Йоко, но... мне кажется, ты можешь обращаться ко мне на ты, мы ведь ровесники.
- Мне, полагаю, это не позволено. Вы живете в Эдогаве, судя по одежде, учитесь в университете, а я всего лишь рикша.
- Наша страна вступила в великую эпоху с нашим с тобой рождением, и с предрассудками ей не по пути, так что оставь свои причитания.
- Юноша снова улыбнулся.
- Чему ты улыбаешься? – спросила она.
- Не каждый день встретишь такого веселого пассажира.
- На этот раз расхохотались оба.
- А что касается того, что я живу в Эдогаве, то это ничего не значит. Мы переехали сюда, когда мне был один год – приехали из Йокогамы. Отец учился и много работал – в итоге стал адвокатом, и только несколько лет назад, когда я уже заканчивала школу, мы купили дом в Эдо.
- А мой отец умер, когда мне был год...
- Прости.
- Вам не за что извиняться.
- Мне, может, и не за что, а вот для тебя такой повод явно скоро сыщется – мы же договорились на ты...
- В такой милой беседе прошло еще двадцать минут. Собеседники не заметили, как оказались у ворот дома адвоката Орихары в Эдо.
- Спасибо тебе, – протягивая ему деньги, улыбнулась Йоко.
- И тебе. Я буду рад, если встречу тебя еще когда-нибудь...
- Йоко улыбнулась ему и упорхнула.
- У ворот дома Орихара прощался со своим посетителем – напояженным мужчиной лет 35–40, не производившим приятного впечатления, хотя и прилично одетым.
- Это моя дочь, Йоко... – хотел было завязать разговор отец, да и посетитель, судя по его довольному лицу, был не против, но девушка лишь учтиво поклонилась и быстрыми, семенящими шагами поспешила в дом. Адвокат тем временем провожал своего доверителя: – Спасибо Вам, что пришли. Знакомство с Вами – честь для моей семьи.
- Ну что Вы! Я от лица всей своей семьи благодарю Вас за оказанную мне помощь...
- Что ж, увидимся завтра в суде.

Перед сном вся семья снова, по правилу, собиралась в тасицу, на ночную церемонию – Орихара свято чтит японские традиции, и пожалуй пуще этого любил чай, а потому все обитатели дома на холме обязаны были отдавать дань историческому прошлому страны восходящего солнца.

– Ты, кажется, беседовала с рикшей? Моя дочь – и рикша??? – спросил отец, когда они с Йоко шли вдоль тянивы.

– Папа! Ты полон предрассудков, это вчерашний день.

– Перестань, конечно же нет, – улыбнулся Сёку. – Но думаю, это была лишь непринужденная беседа?

Если бы только Сёку знал, что он сейчас произносит. Множество событий в жизни человека мелькают совершенно подчас незамеченными им и для него, но стоит кому-то из близкого окружения сказать что-то вроде «это ведь была только шутка?» или «в этом ведь не было ничего серьезного?», как в душе человека вспыхивает невиданный по силе пожар – и все только потому, что он начинает обращать внимание на случившееся, хотя при обычном раскладе не придал бы ему никакого значения.

– Не переживай, папа, – только и ответила Йоко. Кто может знать, где в ту минуту были ее мысли?..

За чаем разговор велся о новом госте, с которым Йоко встретила лишь мимолетно, но которому Сёку уже отвел роль в ее жизни – правда, пока втайне от нее.

– Папа? – спросила Йоко, отхлебнув маленьким глотком из чашки ароматного чая. – Кто это был?

– А, ты о моем госте? Это господин Самура, мой подзащитный.

– Но ты говорил, что ведешь дело кого-то из клана якудза.

– Так оно и есть.

– И этот приличный с виду человек – бандит?

– Что за выражения, Йоко? Кто минуту назад читал мне лекцию о предрассудках? Он состоятельный человек, а у таких людей всегда случаются неприятности – завистники зачастую обвиняют их во всех смертных грехах, хотя к жизни их злословие не имеет никакого отношения!

– Прости папа, – вмешалась Юми, – но мне показалось, что... Он ведь настоящий разбойник, об этом и в газетах писали.

– Разбойники, да будет тебе известно, не имеют столь хороших манер и не одеваются так прилично! – нравоучительным тоном наставил отец. – А читать газетные пасквили вообще не рекомендую, тем более юным девицам.

– И что же он делал в нашем доме? – не унималась Йоко. Отец стал прятать глаза.

– Просто приходил разделить со мной риндзитяноу. Это запрещено – провести вечер адвокату и его клиенту?

Женщины дома Орихара лукаво переглянулись.

– Вот! – ударил себя по колену, нарочито вскипев, Сёку. – Они снова чему-то улыбаются! Перестаньте нарушать ритуал! Продолжаем пить чай.

Вечером жара спала и в саду за домом снова стало слышно пение камышовки. Когда же совсем стемнело, дочери Орихары остались одни в комнате и принялись обсуждать события сегодняшнего дня.

– Ты, кажется, познакомилась с рикшей?

– А ты, кажется, никак не поймешь, что не надо совать свой нос во все дела, что тебя окружают? Лучше бы думала о школьной успеваемости.

– Я и так о ней думаю, могу я хотя бы в каникулы отдохнуть?

– Так у вас каникулы... не знала...

– Ну так что?

– Что?

– Он рикша? И он тебе нравится?

Йоко окинула сестру взглядом и поняла, что она не успокоится, пока не услышит утвердительного ответа.

– Да, но это ровным счетом ничего не означает. Мне еще и император наш нравится, и что с того?

– Перестань, я в другом смысле. Он нравится тебе как мужчина?

Слова сестры сыграли ту же роль бикфордова шнура, что и отцовский вопрос накануне в саду. Йоко подсознательно вернулась к вечернему разговору с Рю. Ей против ее воли вспомнились его черты лица, его смуглая кожа, жесткий взгляд карих глаз – такой взгляд носили самураи, в нем была одновременно сила, и защита; умение наводить страх и сводить с ума от влюбленности. Она вспомнила, как его сильные руки держали поводья тележки, как быстро он бежал и с какой неподдельной гордостью отвечал на ее колкости. Она улыбнулась.

– Вот уже и улыбаешься, – захихикала сестра.

– Кто улыбается?

– Что за глупости?

– Посмотри в зеркало.

Йоко подошла к трельяжу – и впрямь улыбка красовалась на ее юном девичьем лице.

– Ты знаешь... – задумчиво произнесла она, – что «Рю» означает дракон?

– Так значит, его зовут Рю?..

– Дракон... – Йоко словно не слышала вопроса сестры.

– Фу, – хмыкнула Юми, – драконы все страшные. Я в сказках читала.

– Нет. Он прекрасный дракон. Огнедышащий прекрасный дракон.

День выдался достаточно утомительный для дочери адвоката Орихары. Приняв ванну, она рассчитывала моментально уснуть, но ее надежды не оправдались – она ворочалась в постели почти до самого утра. Несколько раз вставала, чтобы попить воды, но ничего не помогало – сон не шел. Вместо сновидений в голове был только один образ...

А в это время Рю, высокий юноша в лохмотьях, шел мимо дома адвоката. В неурочный час – поздно ночью, когда на улице из прохожих оставались только пьяницы да дворовые собаки. Он остановился у ворот и посмотрел в окна – кругом было темно. Он стоял так долго, минут двадцать, пока наконец дремота не овладела им и не приказала возвращаться домой, далеко отсюда, на другой конец Токио.

После выхода из тюрьмы потомок славного рода Нагаёси не нашел своего места в жизни – так же, как не нашли его предки, выброшенные пеной на берег Реставрации Мэйдзи. Он стал рикшей и принял это имя, хоть и означающее «Дракон», но далекое от того родового наречения, которое он должен был носить и которое принадлежало ему по праву рождения. С годами он все больше и больше укреплялся в мысли о том, что настоящее имя надо забыть, а временами ему казалось, что он и впрямь вычеркнул его навсегда из памяти.

В таких-то размышлениях Рю вернулся в Синдзюку. Грязный, проклятый, замусоренный Синдзюку, вырваться из которого было мечтой его жизни, но несбыточной – куда там бедному пареньку рваться в красивую и ухоженную Эдогаву, когда денег едва хватает на еду и лекарства для больной матери.

Вечерами рикши обыкновенно собирались здесь, чтобы поделить дневную прибыль. Правила ее дележа были несправедливы, но ничего нельзя было поделывать – личный заработок не в полном объеме предназначался несчастному вознице. Из него надо было платить поборы квартальному, налог в городскую управу, ремонтировать повозку. Если кто-либо из возниц

заболевал и не мог исполнять свои обязанности, ему назначалась выплата из того, что зарабатывали его товарищи. Это было, конечно, справедливо, но поборы изрядно всех донимали.

– Сколько ты заработал? А ты? Давай, все сюда, в общий котел...

Рю достал из-за пазухи пять йен.

– И это все? – обернулся на него квартальный, который каждый вечер как часы являлся сюда за выручкой.

– Я поздно вышел на работу. Моя мать больна, и утром я должен был купить для нее молоко...

– Но ведь это только твоя забота? – квартальный наклонился над ним и осклабил желтые зубы. Его одутловатое от саке лицо нависло над юношей. Он улыбался неприятной, едкой улыбкой, которая помимо отталкивающего внешнего вида источала еще и неприятный запах изо рта.

– Да, но...

– Значит отдашь четыре йены!

– Но господин квартальный...

– Ничего не знаю. Работай лучше.

Рю попытался схватить монеты, но полицейский взмахнул бамбуковой палкой, которую вертел руках, и больно ударил юношу по пальцам – так, что с тыльной стороны ладони появилась кровавая бороздка. Парень сжал кулак и отдернул руку, прижав ее к груди. Квартальный сгреб с земли разбросанные монеты, запихнув их в карман грязных брюк. Товарищи Рю смотрели на него с презрением и бессильной злобой – а что тут можно было сделать?

Когда он ушел, они обступили храброго юношу, усевшись вокруг него.

– Ты правильно и мужественно поступил, – начал один из них. Но Рю оборвал его:

– Нет. Я поступил неблагоразумно. Мои предки всегда учили сдерживать свой гнев и свои эмоции. Они, как правило, до добра не доводят.

– Рю, – сказал его товарищ. – Расскажи же нам одну из своих историй о славных самураях, что рассказывал ты нам раньше...

Рю окинул взглядом несчастного парня. Он подумал, что товарищ его сидит в грязном Синдзюку и подумать не может о том, что когда-то было другое время и другая эпоха. И такая черная работа уж явно не досталась бы потомку дворянского рода, который сейчас вынужден сидеть промеж них. Да и их, возможно, вовсе и не было бы здесь – они отстаивали бы честь своих родов или защищали имя своего сюзерена в честном бою, и им дана была бы возможность пройти долженствующий воину путь, а не прозябать здесь без всякой надежды на лучшее.

– Извини, Хаято. Сегодня я не могу. Я спешу к матери.

Товарищи с пониманием отнеслись к парню. Они попрощались и разошлись кто куда.

Рю вошел в двери хижины – той самой, где 15 лет назад его отец покончил с собой. С тех пор они с матерью там и жили. Мать занималась своими тканями, а он устроился рикшей – где юноше из бедного квартала, с обочины жизни, было подумать о высшем образовании? Школу он окончил, благо, сейчас это было доступно всем, но о продолжении воспитания не могло быть и речи. Стоял вопрос о хлебе насущном – мать была уже немолода, выпавшие на ее долю тяготы преждевременно состарили ее, а жизнь в постоянной грязи и нищете добавила еще и болезней. Последнее время она практически не вылезала из недугов, и все свое время проводила если не у прядильного станка, то лежа в кровати. Рю все это не могло оставить равнодушным – и потому часто по ночам он, совсем еще юноша, плакал в подушку. Но понимал, что единственное, что он сейчас может сделать – это много работать, чтобы хоть как-то облегчить существование женщины, подарившей ему жизнь. И он старался. Старался изо всех сил. Сломая голову бежал каждый вечер домой, чтобы отдать матери кровью и потом заработанные гроши.

– Сынок, – всегда улыбалась она, видя его. В такие минуты ее безрадостное, да пожалуй уже и безжизненное лицо на мгновенье оживало, наполнялось светом, она улыбалась, и Рю

становилось чуть теплее на душе. – Ты снова дома. Я приготовила тебе мисо с креветками... – Ежевечерний рацион растущего парня не отличался разнообразием, но он не был взыскательным гурманом. Что-то другое, исходящее изнутри заставляло его расти, придавало ему сил и энергии.

Что это? Ответ на этот вопрос он давал себе после скромного ужина, уединяясь в хижине покойного деда, которого никогда не видел в глаза, но о котором много слышал и, казалось, знал его чуть ли не лучше, чем самого себя – столько у них было общего. Так говорила мать. Так чувствовал и он. Чувствовал во многом потому, что стоило ему войти в маленький домик на заднем дворе, где за аккуратной ширмой лежали на высокой подставке мечи, оставленные предком – клинок, вакидзаси, катана, – как усталость снимало словно рукой. Стоило же прийтись к ним – как тело словно молнией, словно ударом тока пронзало насквозь. Но не боль он чувствовал даже тогда, когда дотрагивался до смертельного оружия, унесшего жизнь его отца, а скорее храбрость и силу. Во всяком случае, так ему казалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.